

REFERENCES

- Anureev, S. (2024) Ne kantovat! Kakim universitetam vydelyat' bol'she byudzhetnyh mest? *Zavtra*. Iyul'. №28 (1591).
- Berdyayev, N. A. (1999) *Sud'ba Rossii: Sochineniya*. Moscow, Eksmo-Press ; Har'kov : Folio. 736 p.
- Il'inskij, I. M. (2015) *Velikaya Otechestvennaya: Pravda protiv mifov*. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities. 320 p.
- Kirichyok, P. N. (2019) Revers intelligencii v social'noj sisteme. In: *Social'naya stratifikaciya v cifrovuyu epohu: XIII Mezhdunar. nauch. konf. «Sorokinskie chteniya — 2019» : sb. materialov*. Moscow, MAKS Press. Pp. 290–293.
- Lifshic, M. A. (1979) *Mifologiya drevnyaya i sovremennaya*. Moscow, Iskusstvo. 582 p.
- Mir v cifrab — 2013* (2013). Moscow, Olimp-Biznes. 272 p.
- Prohanov, A. A. (2019) Glubinnij Stalin. *Zavtra*, March, no. 9 (1316).
- Russkie. Azbuka russkogo nacional'nogo samosoznaniya* (2008) / ed. by I. Polesskij. Moscow, Pokolenie. 224 p.
- Simchera, V., Abramov, M. (2019) «Novaya neft'», ili neftyanoj byudzhet po-novomu. *Zavtra*, December, no. 49 (1356).
- Slovar' inostrannyh slov* (2005) / ed. by V. V. Burceva, N. M. Semyonova. Moscow, Rus. yaz., Media. 817 s.
- Sorokin, P. A. (2006) *Social'naya i kul'turnaya dinamika*. Moscow, Astrel'. 1176 p.

Submission date: 14.09.2024.

Киричѳк Петр Николаевич — доктор социологических наук, профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: 8 (499) 374-60-91. Эл. адрес: kpn54@yandex.ru

Kirichyok Petr Nikolayevich, Doctor of Sociology, Professor, Department of Journalism, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: 8 (499) 374-60-91. E-mail: kpn54@yandex.ru

DOI: 10.17805/zpu.2024.4.15

Героическое на пересечении науки и идеологии (на примере отечественного кино)

Т. А. ГОРЕЛОВА, О. О. ХЛОПОНИНА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Исследование посвящено анализу взаимодействия советской науки и идеологии в контексте отечественного киноискусства. Авторы работы рассматривают трансформацию концепции героизма через призму кинообразов ученых, чье представление о героизме основано на одержимости идеей и самопожертвовании в научной деятельности. Показано, как менялись представления о науке и ученых в советском кинематографе с 1890 по 1990 г. В ходе анализа выделяются несколько ключевых периодов, каждый из которых характеризуется уникальными проявлениями героического начала в научной

среде и различным уровнем идеологического влияния. Особое внимание уделяется как советскому, так и постсоветскому контекстам, что позволяет выявить динамику изменений в восприятии ученых и их роли в обществе.

Авторы акцентируют внимание на взаимосвязях между кинематографическими образами ученых и доминирующими идеологическими течениями в обществе. Исследуются представления о науке и роли ученых в различные исторические эпохи, а также их взаимное влияние на формирование общественных ценностей и идеалов. В частности, рассматриваются ключевые фильмы и персонажи, которые стали символами научного прогресса и героизма, а также анализируются изменения в их изображении в зависимости от политической ситуации и идеологических изменений. В работе подчеркивается, что кино не только отражает, но и активно формирует общественное сознание, создавая образы, которые могут как вдохновлять, так и деморализовать общество.

Ключевые слова: советская наука; идеология; отечественный кинематограф; образ ученого; герой; героическое начало; ценности общества

ВВЕДЕНИЕ

В XX в. во всем мире лидирующая роль перешла от религии и искусства к науке и технике, а общей средой социальной жизни стала идеология, которая строит векторы развития общества. Идеология представляет собой сложное и многоаспектное явление, которое можно трактовать как отражение интересов определенной группы или общества в целом. В условиях глобализации самоидентификация и конкурентоспособность приобретают особенное значение и являются базой для формирования идеологических систем государств и обществ.

В основе идеологии должны лежать религиозные и исторические культурные нормы, духовные ценности, основы морали. Наличие общих ценностей, разделяемых членами общества, способствует его интеграции, и, как показывает современная ситуация, это чувство единства очень важно. Еще в прошлом веке С. Хантингтон отмечал, что культурные различия играют и будут играть гораздо более значимую роль, чем политические или экономические аспекты. Согласно К. Попперу, «идеи, особенно моральные и религиозные, обладают такой силой, которую можно сравнить по меньшей мере с силой в физике» (цит. по: Попов, Тенекчиан, 2005: 80). Идеология предлагает людям систему ценностных приоритетов и цели, к которым следует стремиться, восполняет дефицит жизненных смыслов, очень распространенный в современную эпоху. В этом контексте уместно процитировать и слова Э. Шпрангера: «Истинная идеология является выражением того, ради чего человек живет» (цит. по: там же).

Выдающийся российский философ А. А. Зиновьев назвал советскую эпоху «русским экспериментом», имея в виду неординарные и сверхбыстрые изменения в обществе. «Экспериментальность» событий очень ярко и резко проявилась во взаимодействии быстро развивающейся советской культуры (и науки, в частности) с принципиально отличающейся от других мировых идеологий марксистско-ленинской (коммунистической) идеологией. Коммунистическая идеология, являющаяся русской модификацией западного марксизма, наполнила его своими цивилизационными чертами — тягой к справедливости и всеобщности.

Клеймить прошедшую советскую эпоху словами «тоталитарная», «идеологизированная», «мифологизированная» и т. п. стало почти нормой. Возразить можно следующим образом: не только мы, все человечество живет в эпоху идеологии, а когда утверждают, что, мол, в нашей стране ее нет, то либо не понимают, либо лицемерят. По определению А. А. Зиновьева, у идеологии есть две стороны. Соглас-

но широкой трактовке, это — «учение о мире, о человеческом обществе, о человеке и вообще о жизненно важных явлениях жизни людей» (Зиновьев, 1994: 242–243). Эту черту идеология наследует от философии. Но специфические социальные цели задают иной вектор ее функционирования: «...задача идеологии — организация и стандартизация сознания людей, управление людьми путем формирования определенного типа их сознания, удобного с точки зрения управления ими» (там же: 243). Люди соглашались с тем, «что будут поступать так, как это требуется обществу» (там же). В более узкой трактовке идеология нужна и человеку как таковому для того, чтобы понять, что «в данных условиях и в данной человеческой общности считается важным для осознания человеком самого себя и своего природного и социального окружения» (Зиновьев, 2003: 8). Соединение индивидуальных векторов в общий поток устремления к будущему и задает направление развития данного общества.

Особенностью советского общества стало взаимодействие быстро развивающейся науки и жесткой идеологии. Советская культура была объявлена социалистической по содержанию и национальной по форме, что предполагало, с одной стороны, тотальное влияние на нее государственной идеологии, но, с другой, несло духовный заряд для ее взлета. В данной работе мы попытаемся проследить этапы взаимодействия советской науки и идеологии через призму отечественного кино.

ГЕРОИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СУБЪЕКТОВ НАУКИ И ИДЕОЛОГИИ

С осевого времени в различных цивилизациях существовал идеал Героя, который прорывался к новизне и формулировал цели будущего. В Античности героическим авангардом были философы, которые в качестве цели обозначили истину. В Средневековье целью христианского героизма стало предстояние перед Ликом Господа, в котором заключено все — и Истина, и Смысл. Возрожденческая апология Человека приводит к идее Героя-ученого, который формирует науку как способ господства над природой.

Становление науки в Новое время было прорывом в неизведанную область, духовным героизмом. «Пассионарии Ренессанса потому и были пассионариями, что питались от энергии живого космоса, открывшегося им после прорыва замкнутой системы схоластического текста, глухой к свидетельствам опыта. Ренессансный человек потому и наделен пассионарностью, что в нем первично выступает художник — медиум космоса, а затем уже ученый-аналитик, проверяющий свои интуиции в ходе строго организованных экспериментов» (Панарин, 2002: 111). Материя была не объектом изучения, а некоей «живой субстанцией», к законам жизни которой Бог дает возможность прикоснуться. А сам ученый представал как «творец, похититель космического огня, онтологический мистик и алхимик, выпытывающий тайны природы» (там же: 110). Новый подход к человеку стал отражением осознания своей новой роли в мире. Отныне Бог говорит человеку: «Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы от туда тебе было удобнее обзрывать все, что есть в мире» (Пико делла Мирандола, 1981: 249).

Идея «центральности» человека, согласно С. Н. Булгакову, подменила стремление к подобию Богочеловеку Христу возвышением Человекобога: «Героизм — вот

то слово, которое выражает, по моему мнению, основную сущность интеллигентского мировоззрения и идеала, притом героизм самообожения» (Булгаков, 1993: 314). Отсюда, по мнению философа, идет прямая дорога к «наполеонам» социализма и анархизма, к героизму революции и его антихристианским методам: «Я осуществляю свою идею и ради нее освобождаю себя от уз обычной морали, я разрешаю себе право не только на имущество, но и на жизнь и смерть других, если это нужно для моей идеи» (там же: 321). Герой напрягает все силы, жертвует всем и всеми, отдает все, включая жизнь, но мыслитель замечает: «Совершить такое деяние и необыкновенно трудно, ибо требует побороть сильнейшие инстинкты привязанности к жизни и страха, и необыкновенно просто, ибо для этого требуется волевое усилие на короткий сравнительно период времени, а подразумеваемые или ожидаемые результаты этого считаются так велики» (там же: 319). Но такой героизм не терпит рядом с собой братства: он стремится быть единственным, потому что утрачено смирение. Концепция «ради цели все позволено» легко подменяет героизм беспринципностью и вседозволенностью. Булгаков называет такой героизм *светским*. На наш взгляд, он несет в себе идеологический атрибут в виде воли к власти, а значит, свойственен субъекту идеологии, стремящемуся управлять массой.

Противоположностью светскому героизму философ полагает христианское *подвижничество*, основанное на богоподобии и стремлении каждый день делать свое дело со спокойной радостью и радением, соблюдать заповеди, жить со смирением и состраданием, и главное — перенести пафос изменения мира на смиренное понимание своего несовершенства и стремления изменить себя самого. Такое смирение ни в коем случае не означает «рабского» мировоззрения или «бабьего в русской душе». Речь идет, во-первых, о том, что понимающий свое несовершенство человек не будет брать на себя право судить других («не судите да не судимы будете»); а во-вторых, об осознании истинной природы творчества, в котором только и может проявиться человеческое. Христианский героизм, согласно С. Н. Булгакову, есть базовый принцип творчества и познания: «Настоящий ученый, по мере углубления и расширения своих знаний, лишь острее чувствует бездну своего незнания, так что успехи знания сопровождаются для него увеличивающимся пониманием своего незнания, ростом интеллектуального смирения, как это и подтверждают биографии великих ученых. И, наоборот, самоуверенное самодовольство или надежда достигнуть своими силами полного удовлетворяющего знания есть верный и непреходящий симптом научной незрелости или просто молодости» (там же: 325–326). Философ призывает применять подвижнический идеал ко всякому делу, ко всякой жизни — тогда и в обществе наступит порядок. Трудная русская история изобилует примерами подобного смирения, именно оно и позволило сохранить народу свою духовную силу, милосердную душу и, как следствие, несмотря на все перипетии, «национальное здоровье».

Булгаковская идея созвучна мысли, высказанной Н. Бердяевым, полагавшим, что свобода дана человеку не для самовлюбленного отрицательного произвола, но для самореализации в творчестве жизни: «Творчество становится стратегией действий, выводящей человека из объектного мира посредством трансцендирования, которое есть переход к транссубъективному, а не к объективному. Этот путь лежит в глубине существования, на этом пути происходят экзистенциальные встречи с Богом, с другим человеком, с внутренним существованием мира, это путь не объ-

активных сообщений, а экзистенциальных общений. Личность вполне реализует себя только на этом пути» (Бердяев, 2000: 24). Ученый как субъект науки несет в себе этот потенциал «героического энтузиаста» (термин Д. Бруно).

*ЭТАПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ
И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КИНО*

Киноискусство как часть искусства в широком смысле всегда чувствовало «нерв» эпохи. Поэтому трансформация героического начала просматривается на кинообразах ученых, так как по определенным основаниям — одержимость идеей и целью, «выломанность» из общества, разные варианты ненормы, самопожертвование — ученые, несомненно, несут в себе потенциал героического. Наука с ее устремленностью в будущее является хорошим камертоном трансформаций моральных идеалов и понимания героического, а ученый визуализирует прометеевский архетип человека, в природе которого заложена способность и потребность к кумулятивному приобретению знания, а его развитие не ограничивается наперед заданными, одинаковыми для всех характеристиками человеческого вида.

Сближение науки и искусства в XX в., когда наука стала походить на искусство (трактаты Ф. Ницше), а искусство на науку (теоретические обоснования В. Кандинского, К. Малевича и др.); пошатнувшаяся картина мира (теория относительности Эйнштейна) и актуализирующийся вопрос о месте и роли человека в этом новом мире; этические и экологические проблемы поставили фигуру ученого на первое место. Кто такой ученый как концентрированный образ Человека познающего? На этот вопрос в разные десятилетия бурного века отвечают художественные образы и их кинематографические репрезентации.

Культ науки как особого рода институционализированной профессиональной деятельности в России укладывается в период с 1890 по 1990 г.: к 1890-м гг. сформировалась достаточно многочисленная среда профессиональных ученых, а в 1990-е после распада СССР начался кризис, связанный с падением финансирования и утечкой научных кадров (Фрумкин, 2022: 327). Что касается советской науки, то ее финансирование налаживается к концу 1920-х гг., растет численность научного сообщества и одновременно растет внимание к нему власти. Можно выделить несколько условных «двадцатилеток» в качестве особых периодов взаимодействия советской науки и идеологии (там же: 327–329), отраженных в литературе и кинематографе: 1) конец 1920-х — 1930-е (до начала Великой Отечественной войны); 2) 1940–1950-е; 3) «большие шестидесятые»: конец 1950-х — начало 1970-х; 4) 1970-е — начало 1980-х (до перестройки); 5) послеперестроечные 1990-е по настоящее время: период упадка культурного интереса к науке.

В эпоху 1920–1930-х гг. главной является проблема преобладания в науке до-революционных кадров. Поэтому официальная публичная риторика предъявляет ученым два требования: во-первых, принять значимое участие в социалистическом строительстве, а во-вторых, быстро готовить научные кадры, обучать молодежь — пролетарскую смену непролетарской научной интеллигенции. Этот период был освещен позже, в послевоенный годы, плеядой историко-биографических фильмов, в которых ученые представлены по принципу «жития святых» (там же: 82): «Пирогов» (1947), «Мичурин» (1948), «Академик Иван Павлов» (1949), «Александр Попов» (1949), «Пржевальский» (1951), «Жуковский» (1950), «Белинский» (1951), «Михайло Ломоносов» (1955), т. е. это взгляд «из будущего», из следую-

щей «двадцатилетки». По мнению сценариста Л. С. Рахманова, эти кинопроизведения представляют собой не описание подвига подвижничества ученых, а «тмью скучнейших экранных хроник, по существу сборников киноиллюстраций» (цит. по: там же: 84).

Первоначальный образ ученого как некоего «анти» пролетария (высокомерная образованность, клишированный образ сухого старика в пенсне и с «профессорской» бородкой, например в романе А. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», 1927) резко контрастировал с гладко выбритыми крепкими молодыми рабочими. Но курс страны на модернизацию «модернизировал» и ученого, без которого теперь обойтись было никак нельзя. Одним из первых фильмов, реализующих идею связи науки и народа, стала лента «Депутат Балтики» (реж. А. Зархи и И. Хейфиц, 1936). Контакт старого и нового мира осуществляется через фигуру главного героя, «старорежимного» профессора Полежаева (основой для образа которого во многом послужила жизнь К. А. Тимирязева), принявшего новую власть и, несмотря на лишения, видящего свой долг в передаче знаний рабочим и матросам.

Почти все герои этих фильмов представлены уже сложившимися, известными в своей области специалистами без оглядки на их детство и юность, т. е. фактически сделаны по одному клише. Важнейшим идеологическим лейтмотивом была идея о том, что в дореволюционной России они не получали поддержку государства, но те из них, кто, как Мичурин и Жуковский, дожили до советского времени, немедленно ее получили от советского правительства. Таким образом, важнейшим «посланием» этих фильмов стала идея о превосходстве советского режима в реализации задач модернизации и научно-технического прогресса: новая власть как бы легитимизировалась в том числе и через науку.

Следующая эпоха в фильмах 1940–1950-х гг. создает определенный образ ученого: это одержимый наукой человек, сохраняющий верность научной идее вопреки недоверию других коллег. Он подвергается соблазну «перекупки» со стороны предприимчивых иностранных дельцов, но решительно отклоняет все предложения. «И только в советскую эпоху “национальный гений” находит понимание. Советское правительство создает все необходимые условия для его работы, придавая ей государственное значение» (Кныш, 2007: 134).

Следующий период — «большие шестидесятые» (конец 1950-х — начало 1970-х) можно характеризовать как «культурный перелом», который коснулся и науки в большой степени. Вот как о нем пишет известный физик, академик Е. Фейнберг: «Если в прошлые века при всем уважении к достижениям “точных” и “естественных” наук ученый все же считался ущербным существом и чужаком, то к середине нашего (XX в. — Т. Г., О. Х.) века положение изменилось на прямо противоположное: в глазах посторонних он стал жрецом великого и могучего божества — Науки, а у самих “жрецов” возникли претензии на гегемонию дедуктивного формализованного знания в духовной сфере» (цит. по: Фрумкин, 2022: 103). Не случайно именно в этот период разгорается полусутильная полемика между «физиками» и «лириками», начатая статьей И. Эренбурга и стихотворением Б. Слуцкого, но вектор которой был задан извне — книгой Ч. Сноу «Две культуры» и был, таким образом, характерным для общемирового направления развития науки.

Эта эпоха, в науке замещающая «гения прошлого» на молодого ученого, начинается в 1961 г. с выходом знаменитого фильма М. Ромма «Девять дней одного го-

да» и следующей за ним чередой фильмов — «Все остается людям» (реж. Г. Натансон, 1963), «Улица Ньютона, дом 1» (реж. Т. Вульфвич, 1963), «Полустанок» (реж. Б. Барнет, 1963), «Здравствуй, это я» (реж. Ф. Довлятян, 1965), «Лебедев против Лебедева» (реж. Г. Габай, 1966), «Авдотья Павловна» (реж. А. Муратов, 1966), «Еще раз про любовь» (реж. Г. Натансон, 1968).

Существенную роль в киноиндустрии начинает играть аудитория. Если в сталинский период зрителями предполагались рабочие и крестьяне, далекие от понимания творческой кухни и нуждавшиеся, по мнению власти, в четких и однозначных образах-ориентирах, то к периоду оттепели (1960-е) зрителями и читателями становится сформировавшийся класс советской интеллигенции, т. е. образованные люди. И это совпало с расшатыванием однозначной системы моральных категорий, а также с возросшей ролью индивидуального начала, источника сомнений и неоднозначности. Потому в советской оттепельной культуре при, казалось бы, тех же вводных — полностью государственной регуляции, финансировании и контроле — за ученым оставался выбор стратегии поведения: либо героически-жертвенной, либо точного следования логическим и практическим алгоритмам и инструкциям. Если герой сталинской эпохи ближе античному, то в этот период героическое приобретает скорее личностный христианско-подвижнический облик через непростой путь осознания и принятия решения. Свое наиболее яркое кинематографическое воплощение подобный выбор получил в фильме «Девять дней одного года», где представлены два героя, оба физики. Один из них, Гусев, жертвует собой и погибает, но второй (Куликов) продолжает планомерную работу. Можно провести прямую аналогию между поведением героев этого фильма и религиозным мученичеством. «Вера наших физиков в науку, — пишет современный автор Д. А. Майоров, — напоминала веру религиозную. Смерть кинематографического Гусева немного напоминает подвиг христианских мучеников» (Майоров, 2012: 19). Автор перечисляет различные жертвы, которые приносят герои фильма: сам Гусев, переехав ради науки из комфортной Москвы в небольшой наукоград, в конце концов жертвует своей жизнью ради нее, его жена ради его последних лет отказывается от развода, — и заключает: «Разве это не христианские добродетели, которые есть у героев фильма?» (там же). Но с другой стороны, жертвенное служение науке, «продуктивная идентичность главного героя “Девяти дней одного года” мало чем отличается от продуктивности героев, рожденных большевистской идеологией и закрепленной в качестве канона сталинской трагедийной классикой. Это типологическое заимствование, перенос на новую почву пассионарной личности, одиночки» (Колотаев, 2011: 41).

На следующем этапе, на рубеже 1970-х — 1980-х гг., в советском кино проявляются негативные образы ученых, олицетворяющих антигуманизм («Сталкер», 1979, реж. А. Тарковский) и бытовую мелочность («Гараж», 1979, реж. Э. Рязанов), а в целом — разочарование во всем, не только в науке, но и в возможности человека построить лучший мир. В этих фильмах «разбираются ситуации, когда ученый не приносит себя в жертву из-за эгоистических соображений, и мы видим лицо науки без самопожертвования — корыстное, приземленное, мелочное, а в каких-то ситуациях — губительное для человечества... в конце рассматриваемого периода мы обнаруживаем исчерпанность темы жертвы» (Медведева, 2015: 284). Почему? «С одной стороны, большинство ученых утратили способность к самопожертвованию, омерзались. С другой стороны, усилия тех, кто сохранил эту способность,

все равно остаются бесплодными. В этой тенденции можно усмотреть недвусмысленные признаки духовного кризиса, охватившего советскую интеллигенцию в конце эпохи застоя и приведшего со временем к радикальным политическим изменениям» (там же).

В этом же депрессивном поле находится и фильм А. Германа «Трудно быть богом» (2013) по мотивам (именно по мотивам, кинематографический извод очень сильно отличается от литературного текста и в деталях, и в целом) одноименного романа братьев Стругацких, который вызвал шквал критики. Смотреть его трудно и неприятно, но это типичный мыслительный прием, переведенный в зримую форму — довести любую мысль или идею до логического тупика. В данном случае предельно натуралистично показан занимающий режиссера кризис Просвещения. Человек не может быть богом, потому ему и трудно им быть, точнее — невозможно. Указанный в Библии вектор развития «по образу и подобию» является именно путем, конечная точка которого, как расширяющаяся вселенная, недостижима. Имея этот ориентир, каждый человек в своей жизни проходит индивидуальный путь, и образ ученого в просвещенческо-модернистской оптике является такой макроэкстраполяцией этого пути. Потому и морально-этические проблемы, через которые в исследуемых фильмах показан образ ученого, очень наглядно отражают общие подходы конкретного периода к общечеловеческим целям и средствам их достижения.

Начиная с послеперестроечных 1990-х по настоящее время наблюдается период упадка как самой науки, так и культурного интереса к ней. Современная наука превратилась в огромную разветвленную сеть «предприятий» (в терминологии М. Хайдеггера), на которых работают уже не ученые-эрудиты, а новая порода исследователей — клерки.

Когда большинство ученых превращаются в «куликовых», а научная деятельность помещается «в сосуд» централизованной организации, определяемой суммой технических возможностей квалифицированного коллектива при достаточном финансировании, любой ученый становится одним из множества винтиков в системе научных групп. Впрочем, в последнее время наблюдаются сдвиги, возникают молодежные коллективы, особенно в технических областях, и научные кампусы по всей стране. Такая организация и бюрократия стремятся к уравниванию, усреднению и разрастанию своего аппарата, и закономерным образом это приводит к выхолащиванию стремления к новому, выходящему за рамки, парадоксальному, т. е. к тому, что и составляет суть истинного научного открытия. Происходит постепенная «утрата человека», а наука лишается творческого начала, без которого невозможны прорывы и озарения, не поддающиеся бюрократизации и очень неудобные для организации. Так и получилось, что удобные, неконфликтные, предсказуемые и исполнительные работники, о которых мечтает каждая организация, в плане творческого результата оказались наименее ценными и продуктивными. Постепенно героическое самопожертвование вообще теряет смысл. Продолжая тему на примере ученых, это можно увидеть в фильме «Кафедра» (реж. И. Киасавили, 1982), где ученица (и коллега) умершего профессора ради сохранения его доброго имени приписывает собственные работы одряхлевшему и бесплодному в старости ученому. Вроде бы жертва есть, и цель ее понятна — сохранить имя наставника, но смысл этой жертвы находится под большим вопросом. Обстановка на кафедре плачевная: приходят люди, не горящие идеей, нечисто-

плотные, в общем «менеджеры». Сама наука как бы утратила смысл, и попытки сохранить ее этические нормы, преемственность, преданность выглядят жалкими и бессмысленными конвульсиями. Жертва растрочена, она больше не ведет к высвобождению энергии и духовному росту.

В киноиндустрии место ученого ныне занял следователь, который в бесчисленных телесериалах также разгадывает тайны, но уже не природы, а искаленного общества. Результатом его исследования становится не познание гармонии космоса, а осознание патологии души. Возникает вопрос: могут ли в современном мире быть востребованы героизм и подвижничество, если даже в науке, прежде требовавшей самопожертвования, аскезы и моральной чистоты, а в научной деятельности все заметней становится бюрократическая тенденция работать по часам и инструкциям? Остается верить, что культура как самоорганизующаяся система непременно создаст ситуацию неравновесности, выход из которой вновь потребует скачка духовности через героизм и подвижничество.

Судьбы и вклад ученых в советскую науку, конечно, были различными. Но их количество в СССР быстро увеличивалось, достигнув почти 1,5 млн человек к 1980 г. (одна четвертая часть количества ученых в мире), хотя в 1940 г., в период предвоенного расцвета науки, было около 98 тыс. человек. Стремительный рост числа ученых в послевоенные годы определялся двумя факторами: во-первых, атомным проектом, продемонстрировавшим важность науки для обороноспособности, а во-вторых, ухудшением отношений с США, что обострило проблему научно-технического соревнования с Западом (Российская наука, 2023: Электронный ресурс). После «катастрофы» (термин А. А. Зиновьева) наблюдается катастрофическое снижение ученых кадров: в 1990 г. на территории РСФСР было 993 тыс. ученых-исследователей (примерно две трети от общей численности научных работников СССР), в 1995 г. их стало 519 тыс., в 2000 г. — 426 тыс., в 2010 г. — 369 тыс., т. е. за 20 лет уменьшилось примерно в три раза (Шепелев, 2020: 171). Данная статистика говорит не об экономической переориентации общества (хотя и это, конечно, есть), а об утрате в наше время героического порыва, свойственного науке эпохи советской цивилизации. Хотя в последнее время, по данным Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ, в Российской Федерации наметился рост научных кадров во всех областях — в 2022 г. до 669, 9 тыс. человек (В России прекратилось ... , 2023: Электронный ресурс).

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ И ИДЕОЛОГИИ: ВЗАЕТЫ И ПАДЕНИЯ

История создания ядерного оружия в трех странах — нацистской Германии, США и СССР — показала идеологическую «изнанку» различных обществ, «обнажила нравственность и безнравственность ученых в их отношении с властью» (Макаревич, 2023: 137). Открытие радиоактивного элемента урана французскими физиками И. и Ф. Жолио-Кюри в 1934 г. способствовало росту интереса к работам по его расщеплению. В институте теоретической физики в Копенгагене под руководством Н. Бора возникла школа, которая способствовала зарождению нескольких направлений физики, в частности квантовой механики, из которой вырос атомный проект.

История создания ядерной бомбы запечатлена в фильме «Выбор цели» (реж. И. Таланкин, 1974). В октябре 1941 г. А. Эйнштейн, автор теории относительности,

пишет письмо президенту США Ф. Рузвельту, в котором, в частности, говорится, что уран является новым и важным источником энергии, и «это новое явление способно привести также к созданию бомб... исключительно мощных бомб нового типа» (цит. по: там же: 139). Президент Рузвельт не верит: «Наполеону тоже ведь предлагали построить паровое судно». Аналогично Гитлер (январь 1941) поначалу тоже не верит министру почт, заявившему о возможности создания бомбы, которая может уничтожить город. Позже становится ясно, что выдающийся немецкий физик, один из родоначальников квантовой механики, В. Гейзенберг работает по приказу Гитлера над созданием атомной бомбы в Германии. В разговоре с Н. Бором, рассказывая о технических трудностях атомной программы, он проговорился о том, что бомба поможет победе рейха над СССР. А Бор, придя к мысли, что нельзя оставить человечество беззащитным перед фашистской ядерной бомбой, включился в работу над американским ядерным проектом.

Когда Сталину доложили о секретном оружии американцев, он сомневался: «У них появилось новое оружие? Цену себе набивают, надо поговорить об этом с Курчатовым» (здесь и далее приводятся цитаты из фильма «Выбор цели», реж. И. Таланкин). Вскоре стало ясно: над оружием американцы работают, тогда возникает проблема: «Можем ли мы во время войны себе это позволить? — сомневается В. И. Вернадский. — Эти работы стоят столько, сколько стоит одна война». «Самолетов нет, снарядов не хватает. Как мы можем отвлекать такие средства на “кота в мешке”», — сомневается и будущий руководитель атомного проекта в СССР И. В. Курчатов, человек, продемонстрировавший колоссальную работоспособность, ответственность и всестороннее видение решения проблемы и создавший выдающийся коллектив физиков, математиков, конструкторов и технологов. О том, чего это стоило стране, говорят такие высказывания из фильма: «Замораживаем восстановление, отключаем города от электричества, но надо же дать людям прийти в себя в первый год после войны» (Сталин); «Все, что сгребали по сусекам, все забрал» (военный генерал с упреком Курчатову).

Первый в мире атомный заряд был взорван в США 16 июля 1945 г. Фашистская Германия к этому времени была разгромлена, доживал последние дни союзник Германии милитаристская Япония. Президент США Трумэн (в фильме утверждавший: «...надо продемонстрировать нашу силу, сбросив бомбу на Японию») создал временный комитет по вопросу о возможности использования атомного оружия против Японии. В него вошли американские руководители атомного проекта — Р. Опенгеймер, Э. Ферми, А. Комптон, Э. Лоуренс, и ни один из них не выразил несогласия с испытанием. Атомные бомбы были сброшены — на Хиросиму 6 августа 1945 г., а 9 августа — на Нагасаки. Общее количество погибших — более 450 тыс. человек, гораздо большее количество всю оставшуюся жизнь страдало от заболеваний, вызванных радиоактивным облучением. Немецкий физик Отто Ган, нобелевский лауреат, открывший деление урана, говорит (в фильме) после взрыва бомб в Хиросиме и Нагасаки: «Я это открыл. Сотни тысяч людей погибли, и я один из убийц. Они сделали меня одним из убийц», на что ему возражают: «Лучше отправить на небо тысячи этих япошек, чем потерять одного английского парня».

Монополия США на владение атомным оружием закончилась 19 августа 1949 г., когда на Семипалатинском испытательном полигоне был успешно испытан первый советский ядерный заряд, который был назван «РДС-1», что означает «Россия делает сама» (там же: 144).

Когда атомный проект рассекретили, одним из первых фильмов о работе «атомных физиков» был фильм «Девять дней одного года», который стал героической одой ученым и создал идеал, к которому устремилась молодежь: после выхода фильма конкурсы на физические факультеты советских университетов увеличились в десятки раз. «Прорыв» секретности атомного проекта произошел по идеологическим причинам: своего выражения требовал формирующийся культ выдающегося ученого, в данном случае Курчатова как «отца советской ядерной бомбы», а сам сюжет атомного проекта использовался в советской антивоенной и антиамериканской пропаганде (Фрумкин, 2022: 72).

Подвиг советской атомной научной команды заключался не в ситуации «на грани смерти», а в осуществлении духовного синтеза, в триединстве «поиск истины — поиск смысла — творчество». И жаждали ученые не денег (на их зарплаты замков не построить), не славы (их имен никто не знал), они ставили свой научный эксперимент в рамках общего «советского эксперимента», и собственные их жизни тоже развивались как эксперимент.

Атомный проект, возникший как синтез физики и идеологии, оказал огромное влияние на последующее развитие науки: «Большинство ведущих физических институтов, созданных в 40–50-е годы, были порождены этим проектом. Атомный проект и последовавшая за ним гонка вооружений консолидировали советскую физику, не оставив в ней места для псевдонауки. Можно сказать, он спас советскую науку. В его недрах сохранилась и возродилась биофизика. В связи с ним развивалась идеологически ошельмованная кибернетика. Создание межконтинентальных носителей ядерного оружия инициировало космические исследования» (Сарданашвили, 2014: 62).

Еще одним следствием атомного проекта стал проект космический. О подвиге практических исполнителей выхода в неведомое — космическое пространство — создан кинофильм «Время первых» (реж. Д. Киселев, 2017), в котором достоверно описываются перипетии первого выхода в открытый космос космонавта Алексея Леонова (он был консультантом этого фильма) и переживания его напарника Павла Беляева (ему было поручено в случае невозможности возвращения на корабль отстрелить шлюз). Леонову удастся вернуться самостоятельно, но он теряет сознание из-за того, что открыл шлем, не выровняв давление. После отстрела шлюза «Восход-2» начинается вращение, которое нельзя остановить из-за нехватки топлива, поэтому 22 витка вокруг Земли космонавты проведут, кружась как волчки. В итоге при посадке корабль не попадает в расчетную точку, а приземляется в зимней тайге. Радиомаяк не работает, батарея рации не рассчитана на низкую температуру, теплой одежды нет, костер на двухметровом снегу проваливается, их ищут, но безрезультатно. Позже реальный космонавт Леонов говорил в интервью, что было очень тяжело, выжив в космосе, оказаться в полной безнадежности на Земле. В итоге вертолеты их находят.

Вероятно, существует и духовная, цивилизационная, основа атомного и следующего из него космического проектов. Мечта о выходе в космос за полвека до реального события была сформулирована в философии русского космизма. Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский и В. И. Вернадский понимали космичность как реальный выход человечества в космос и использование космических энергий, которые смогут изменить человеческую телесность и осуществить бессмертие в теле (хотя бы и особом). Обобщенная концепция русских философов развивает пред-

ставление о смерти как о случайности, ненормальном, некосмическом аффекте и насильственном прерывании сознания.

Философия русского космизма — это «крик вопиющего в пустыне»: ни на Западе, ни на Востоке таких идей не было. Является ли эта философия русской утопией XX в. или в ней заключен духовный прорыв и предвидение, которых не знала русская культура раньше? Если европейские социальные утопии XVIII в. определили движение европейского социума в направлении равенства и материального благополучия, то космичность мироощущения русской философии вывела русских первыми в космос. Таким образом, космическая практика оказалась синтезом философской мысли, научной деятельности и идеологической целесообразности.

Принципиально иной результат мы видим при столкновении науки и идеологии на примере политизации генетики. Агроном Трофим Лысенко более чем на 20 лет «подмял» под себя фактически не только генетику, но и другие отечественные области биологии. Базовыми идеями «консенсуса» советской идеологии и метода яровизации, которую проповедовал Лысенко, являлось, во-первых, то, что в природе возможны видовая трансформация (превращение одного вида в другой) и наследование приобретенных признаков, что соответствовало идеологической установке на воспитание нового советского человека, а во-вторых, стремление дать сразу ощутимые практические результаты. Генетику обозвали «вейсманизмом-менделизмом-морганизмом», добавив эпитеты «идеалистическая», «реакционная», «буржуазная», тогда как «мичуринская» (точнее, лысенковская) биология была названа прогрессивной и материалистической. Поэтому победа «мичуринства» осознавалась как победа социализма над капитализмом.

Конфликт генетики и «лысенковщины» под разными ракурсами показан в двух фильмах: эпохи Лысенко «Великая сила» (Ф. Эрмлер, 1950) и более современный — «Николай Вавилов» (А. Прошкин, 1990). В первом фильме у мичуринской биологии два врага — академик Рублев, олицетворяющий «лженауку генетику», и директор института Милягин, олицетворяющий «низкопоклонство перед Западом» не только опорой на зарубежные научные авторитеты, но и поклонением американскому быту, «американским штанам». Во втором шестисерийном телефильме «Николай Вавилов» показан конфликт выдающегося ученого-генетика Вавилова и поднятого им из «небытия» агронома Лысенко. Вавилов, будучи организатором ботанико-агрономических экспедиций по обнаружению древних очагов формообразования культурных растений, создал учение о мировых центрах происхождения культурных растений и собрал грандиозную коллекцию естественных родственников одомашненных культурных растений, которую в фильме он называет «генетическим Лувром». В ответ на что Лысенко в фильме вопрошает: «Вы хотите за наши деньги собрать весь растительный капитал Земли?» «Я верю в науку и готов отдать жизнь за нее... Жизнь коротка, надо спешить», — утверждал герой Вавилова в начале фильма и оказался прав. Этот известный ученый-генетик, химик, селекционер, географ, государственный деятель был арестован в 1940 г. по ложному доносу, обвинен во вредительстве и умер в 1943 г. в Саратовской тюрьме от пеллагры, в 1955 г. посмертно реабилитирован.

Символична судьба коллекции Вавилова: в период блокады Ленинграда сотрудники Всероссийского института генетических ресурсов растений имени Н. И. Вавилова (ВИР) (современное название) погибли от голода среди мешков с продо-

вольствием. В кабинетах института хранились килограммы диких предков риса, проса, гречихи, картошки, кукурузы, но съесть их означало бы лишить человечество образцов семян редких растений. Ученые разбились на вахты и посменно охраняли склад от замерзания, крыс и голодных людей. К январю 1942 г., спустя полгода после начала блокады, многие из них погибли, но ни одного зернышка не было съедено. Они вошли в историю как безгранично преданные своему делу люди, ценной собственной жизни сохранившие ценные артефакты — уникальный банк растений. Сочетание потенциала коллекции ВИР и современных генетических технологий позволяет ускорить получение новых сортов сельхозкультур с высокими показателями полезных свойств и устойчивых к стрессовым факторам окружающей среды.

Результат деятельности антипода Н. Вавилова — Т. Лысенко был иной: генетика объявлена «буржуазной лженаукой», а исследования в этой области прекращены фактически до середины 1960-х гг. Поскольку власть полностью поддерживала идею о том, что воспитывает, именно и только, среда — будь то у растений или людей, «иноверцев» из науки выгоняли: «нераскаявшиеся» ученые были уволены, заключены в тюрьмы и даже расстреляны. Была еще одна причина гонений на генетику. Достижения ее современницы — ядерной физики — в виде грандиозного атомного проекта не шли ни в какое сравнение с практическими результатами генетики, которая делала первые шаги на молекулярном уровне. Позже открытие структуры ДНК и другие очевидные достижения генетики и биохимии изменили ситуацию: к концу правления Н. С. Хрущева ученые-генетики, ранее заключенные в тюрьмы, были освобождены или реабилитированы посмертно; европейские достижения в области генетики и молекулярной биологии стали обсуждаться в научных кругах и преподаваться в университетах. Отечественная наука признала, что молекула ДНК является материальной основой наследственности, а позже начались работы по описанию генов в ее структуре.

«Таким образом, лысенковщина в широком смысле слова проделала в литературе и искусстве огромную эволюцию. Зародившись как вера в чудо, как фантастика, она стала официозной и агрессивной пропагандой, затем рассыпалась на ряд горьких воспоминаний, затем стала предметом разоблачений и, наконец, превратилась в миф и предмет философствования» (Фрумкин, 2022: 98).

Слово «лысенковщина» стало нарицательным для описания влияния идеологии на науку. Некоторые современные тенденции западной науки поддаются точно такой же трактовке. Например, в США получают очень быстрое развитие так называемые принципы DEI (Diversity, Equity, Inclusion — Разнообразие, Справедливость, Инклюзивность). Ключевая цель такой политики, по мнению их создателей, заключается в формировании здоровой, нетоксичной и благоприятной среды для сотрудничества и взаимодействия разных людей независимо от их этнической принадлежности, сексуальных предпочтений, ментальных и физических особенностей (Diversity, Equity, Inclusion: Электронный ресурс). Но, как становится ясно, например, в науке это означает, что при подаче статьи в журнал, при обращении к научным фондам и другим обычным процедурам требуется представить данные о гендерной, расовой и этнической принадлежности. В научной среде это красочно описывается как «ужасы DEI». Ученые, ищущие финансирования, должны теперь предоставлять планы не о своих будущих работах, а о том, как они будут продвигать цели DEI. Клятвы верности DEI являются неотъемлемой частью оценки за-

явок, поэтому NASA советует нанять экспертов DEI и «хорошо им платить». Таким образом, уже возникла «индустрия DEI», но ее решения имеют имитационный характер и приносят пользу не науке, а прослойке «специалистов DEI». Недавно американский миллиардер И. Маск публично заявил, что он плевал на все эти принципы и перевел свой бизнес из Калифорнии в Техас. Кому-то сбежать еще можно, но что делать, если перестанут принимать статьи в научные журналы без «клятв верности»? Жуть берет от значимости влияния идеологии, которая побеждает даже вопреки очевидности.

Существует мнение, что данная тенденция не ограничивается лишь лоббированием интересов определенных социальных групп, но также представляет собой ответную реакцию на асоциальный имидж ученого и на укоренившиеся представления о гендерном и расовом неравенстве. Эти представления в настоящее время подвергаются попыткам «коррекции» посредством универсальной уравниловки. У нас ситуация иная. Распространенный во всем мире образ безумного ученого, реализованный в массовой культуре во множестве образов — от доктора Фауста через растиражированное фото всклокоченного Эйнштейна с высунутым языком к целой плеяде гениев разной степени безумства (Доктор Стрейнджлав, Док Браун, Шелдон Купер, Рик Санчез и др.), не нашел такого широкого воплощения на отечественном киноэкране. Возможно, это связано с тем, что в российской традиции ученый — вовсе не социопат и безумец (хотя в отечественной науке есть ярчайшая звезда на этом небосклоне — гениальный математик, отшельник Григорий Перельман), чаще это в высшей степени разумный и эрудированный человек, а преодоление границ нормального располагает не за гранью вменяемости и социальной нормы, но в области самопожертвования, вполне осознанного. Западную культуру больше интересует тема социального аутсайдерства гения, воли к власти, корыстолюбия; русскую — примат духа и цели над физическим и повседневным. При этом очевидно, что сегодня тема принесения себя в том или ином виде на алтарь науки с протеевской целью «помочь людям» не слишком популярна в мире, а тема сумасшедшего гения за гранью добра и зла не востребована в русской культуре. В результате в нашем кинематографе наблюдается очевидный провал темы науки. Думается, что их вполне возможно воссоздать, благо героических примеров в нашей истории предостаточно. И так же, как востребованной оказалась тема спортивного героизма, хотелось бы видеть больше фильмов и сериалов про российских и советских героев-ученых.

Если же обращаться к темам сегодняшнего дня, то, как мы уже отмечали, в условиях работы больших коллективов личности проявиться сложно. Но примеры есть. В полном смысле героической и весьма кинематографичной является судьба ученого-биолога Павла Фоменко, пережившего нападение амурской тигрицы, выжившего и продолжающего посвящать свою жизнь защите этих животных. Современный ученый-этнограф Константин Куксин, уже будучи тяжело больным, до последнего не переставал ездить в трудные экспедиции, читал лекции и проводил для детей занятия и лекции. Ученые биологи, экологи, этнографы часто подчиняют все сферы своей жизни выбранной области, потому что иначе проникнуть в тайны планеты, в смыслы ее биологического и культурного разнообразия и сохранить их невозможно — это в буквальном смысле «вживание, вчувствование, постижение жизни жизнью». Здесь очень далеко до бытового комфорта, безопасности и роскоши, да и интересы другие. Прекрасной иллюстрацией этой темы остается фильм

«Дерсу Узала» (1975), в котором показано, что подлинное знание природы, опытное знание не может быть результатом только кабинетной работы.

Актуальные для современности темы, связанные с прогрессом и затрагивающие вопросы последствий научного познания и развития цивилизации в ее техническом смысле, определения и проявления в ней человеческого, поднимаются в кинофильме «Мира» (реж. Дм. Киселев, 2022). Недалекое будущее — угроза столкновения с метеоритом и гибели как минимум всего города. Главные герои — подростки, 15-летняя Лера и ее друг Миша. Дети, что характерно, являются носителями «популярных» сегодня «особенностей»: они из неполных семей, Лера с обширным ожогом тела и детской психотравмой, Миша с протезом руки. Сюжет вполне предсказуем: преодолев препятствия и справившись со всеми трудностями, проявив решительность, отвагу и готовность к самопожертвованию, ребята спасают родной город. В контексте статьи нас интересует проявление героического в детях, полностью включенных в оцифрованную, почти виртуальную жизнь. Техника, лишенная «человеческого фактора», не подверженная эмоциональным ошибкам и искажениям при принятии решений, выполняет в мире данного сюжета всю работу. Но в работу ИИ «Мира» закралась ошибка. После ряда событий ситуация становится критической, и, по расчетам ИИ, спасение Земли возможно только через самоуничтожение станции. Но нажать эту кнопку должен ученый Арабов (отец девочки Леры) — ИИ не способна на самопожертвование, потому что самоуничтожение в данном случае предполагает именно жертву, а не единственный разумный вариант, который мог бы быть запрограммирован. На жертву способен только человек — и Арабов принимает такое решение. Но и расчетливое поведение в критической ситуации не спасает. Спасает природа бунтующих подростков, не думающих о самосохранении и ведомых эмоциями. Они делают ВСЕ так, как делать не надо, не по инструкции, а по совести и из соображений любви к ближнему. Возможно, здесь уместны слова «Будьте, как дети». Из подростка в таком бурлящем природном котле при предельных температурах кризисной ситуации кристаллизуется и вырастает человек. И если в современном мире с развитием техники взрослые люди утратили эту способность, то природа в широком понимании помещает человека в условия пересборки и заставляет лично выковываться: через пандемии, военные столкновения, угрозы экологических катастроф и прочие «горнила», все многообразие которых вполне укладывается в сферу «ведения» четырех Всадников Апокалипсиса. Интересно, что на груди Арабова нашивка с цитатой из известного интернет-мема «Идущий к реке»: «Я в своем познании настолько преисполнился...» — очень ироничная самоиллюстрация к современной философии.

Фильм «Сто лет тому вперед» (реж. А. Андрющенко, 2024), поставленный по очень вольному пересказу прекрасного произведения К. Булычева, несмотря на спорные художественные качества, транслирует важные идеи в контексте современного научно-технического прогресса и героического начала человека. В фильме пираты проигрывают, потому что не обладают именно человеческими качествами — способностью к дружбе и самопожертвованию; у них нет высшей цели, а объединяет их только временное стратегическое партнерство ради выгоды. Зато их антипод, космический пират Весельчак, проходит настоящий «духовный» путь восхождения и в конце концов, подобно античному герою, погибает с полным осознанием сделанного выбора, принятием смерти и улыбкой на устах.

В обоих фильмах прослеживается сквозная тема — попытки одушевления и очеловечивания искусственного интеллекта (юмор «Миры» и обиды робота-дрона Вертера) и стремление к максимальной опоре на технику и расчет у людей. При этом герои — подростки-старшеклассники (даже не студенты или молодые ученые), что говорит об утрате надежды на разумное спасение мира, но оставляет надежду на чистоту, наивность и «безумство храбрых». И как показано в обеих лентах, человеческое и даже слишком человеческое только и может человечество спасти. Несмотря на то что и в «Мире», и в «Сто лет...» главные герои, дети, растут в неполных семьях, само наличие хоть какой семьи легитимизирует главный вывод: подлинно духовное, героическое, гуманистическое начало воспитывается именно и только в семье. Не случайно слоганом одного из фильмов стали слова «Для семьи космос не расстояние». Содержателен и финальный символ в «Мире»: бабочка, которая пребывала в заморозке в вакууме, в момент гибели Арабова и станции оживает. И в самом конце, уже на Земле, она подлетает к плюшевому мишке, в котором зашита рация и через которого Лера общалась с отцом.

На рекламном плакате к фильму используется сюжет «Сотворения Адама» Микеланджело, только тянутся друг к другу рука героини с Земли и рука ее отца из Космоса. Место Бога занимает прогресс и техника, но никакое «сотворение» в этой паре невозможно — необходим третий элемент, бабочка, олицетворяющая природу и Божий дух одновременно. Иначе не выжить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на все несостыковки и сбои советской системы «наука — идеология», эта эпоха обладала идеей, смыслом развития. «Героическое — воздух социализма. Не зная временных и пространственных границ, не зная различий возрастных и профессиональных, оно повсюду, везде, всегда с нами» (Штут, 1958: Электронный ресурс; курсив наш. — Т. Г., О. Х.). Только народ как целостность является создателем такой «пневмосферы героического», в которой идеология может задавать вектор развития. Героический характер отдельного человека, в том числе ученого, — отнюдь не сумма определенных биологических и психологических свойств, а их направленность как «пафос всеобщего, благо народа» (там же). Циническое же сознание Человека потребляющего не знает другого вектора, кроме установки «как можно больше бабла».

Ни для кого не секрет, что ныне человечество подошло к точке неравновесности по разным критериям — экологическим, социальным, политическим, экономическим, и прежние теоретические установки не ведут к новизне. Современная идеология, нацеливающая общество на развитие, должна учитывать общую стратегию эволюции жизни, которая описана в науке: она «преследует одновременно две цели — приобретение “капитала” энергии и сокровища знания» (Лоренц, 1998: 268). Современная культурная динамика, как и экологические изменения, действует по принципу обратной связи, которая в данном случае формирует цикл бесконечного упрощения, а в пределе — снижения разнообразия человеческой культуры как суперсистемы. Остановить глобальную инволюцию человечества возможно через обращение к ценностным истокам и глубинам каждой культуры. «Ценностные системы формируются в течение достаточно продолжительного времени. <...> Поэтому очевидно, что для народов стран, чьи истоки восходят к одно-, двух-, трехтысячелетнему прошлому, таких как Россия, Индия, Китай, их

традиции являются тем фундаментом и той ценностной опорой, которые придают особый смысл всей их истории и определяют направление их развития в современном мире» (Костина, 2022: 91). Идеология государства-цивилизации как раз и предполагает построение моделей будущего на основе осознания прошлого, в том числе ценностей и традиций. Многоуровневая система цивилизации выстраивает иерархию ценностной значимости: существует духовное ядро, которое менять нельзя, — исчезает душа народа; а культурный уровень самопонимания народа имеет большее значение, чем технологический.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев, Н. А. (2000) Творчество и объективация. Минск : Экономпресс. 301 с.
- Булгаков, С. Н. (1993) Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Соч. в 2 т. Т. 2. Избранные статьи. М. : Наука. 525 с.
- В России прекратилось сокращение численности научных кадров (2023) // Коммерсант. 13.11. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6336145> (дата обращения: 10.09.2024).
- Горелова, Т. А., Хлопонина, О. О. (2022) Культурный концепт «Герой» как ценностный ракурс эпохи // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 119–132. DOI: 10.17805/zpu.2022.3.10
- Зиновьев, А. А. (1994) Коммунизм как реальность. М. : Центрполиграф. 495 с.
- Зиновьев, А. А. (2003) Идеология партии будущего. М. : Эксмо. 241 с.
- Кныш, Н. А. (2007) Образ ученого в художественном кинокадрах конца 1940-х — начала 1950-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. №18. С. 133–134.
- Колотаев, В. А. (2011) Репродуктивная модель идентичности в советском кино 1960-х гг. // Артикульт. №3. С. 38–41.
- Костина, А. В. (2023) Традиционные ценности: что это означает для России и для западного мира // Знание. Понимание. Умение. №2. С. 90–107. DOI: 10.17805/zpu.2023.2.7
- Лоренц, К. (1998) Оборотная сторона зеркала. М. : Республика. 393 с.
- Майоров, Д. А. (2012) Фильм «9 дней одного года», или Размышления бывшего физика // Православный просветитель. №2. С. 18–21.
- Макаревич, Э. Ф. (2023) Атомные проекты и позиция ученых // Моисеевские чтения. Избранное / отв. ред. А. В. Костина. М. : Изд-во Московского гуманитарного университета. 320 с. С. 137–146.
- Медведева, С. М. (2015) Моральный выбор ученого в изображении советского кино // Вестник МГИМО-университета. Шишкинские чтения. С. 282–284.
- Панарин, А. С. (2002) Православная цивилизация в глобальном мире. М. : Алгоритм. 496 с.
- Пико делла Мирандола, Дж. (1981) Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса. Антология : в 2 т. / В. П. Шестаков (сост.). Т. 1. М. : Искусство. 453 с.
- Попов, М. Ю., Тенекчян, А. А. К истории развития понятия «идеология» в зарубежной науке // Общество и право. 2005. №4 (10). С. 78–84.
- Российская наука в цифрах: история и современность (2023). URL: https://dzen.ru/a/ZcSwu_vHKSpQ3QO (дата обращения: 10.09.2024).
- Сарданавили, Г. А. (2014) Между рассветом и закатом: Советская физика 1950–1979 гг. М. : Ленанд. 228 с.
- Фрумкин, К. Г. (2022) Любование ученым сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. М. ; СПб. : Нестор-История. 352 с.
- Шепелев, Г. В. (2020) Динамика численности кадров науки при переходе от СССР к Российской Федерации // Управление наукой: теория и практика. Т. 2. №4. С. 164–187.
- Штут, С. (1958) Героическое в советской литературе // Вопросы литературы. №11. URL: <https://voplit.ru/article/geroicheskoe-v-sovetskoj-literature> (дата обращения: 10.09.2024).

Diversity, Equity and Inclusion. URL: <https://lectera.com/info/ru/articles/diversity-equity-and-inclusion> (дата обращения: 10.09.2024).

Дата поступления: 11.09.2024 г.

HEROIC AT THE INTERSECTION OF SCIENCE AND IDEOLOGY
(USING THE EXAMPLE OF RUSSIAN CINEMA)

T. A. GORELOVA, O. O. KHLOPONINA
MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The research is devoted to the analysis of the interaction of Soviet science and ideology in the context of Russian cinematography. The authors examine the transformation of the concept of heroism through the lens of cinematic portrayals of scientists, whose understanding of heroism is based on obsession with ideas and self-sacrifice in scientific endeavors. It is shown how ideas about science and scientists changed in Soviet cinema from 1890 to 1990. Several key periods are identified in the course of the analysis, each characterized by unique manifestations of heroism within the scientific community and varying levels of ideological influence. Special attention is paid to both the Soviet and post-Soviet contexts, allowing for an understanding of the dynamics of changes in the perception of scientists and their roles in society.

The authors emphasize the interconnections between cinematic representations of scientists and the dominant ideological currents in society. The concepts of science and the role of scientists in various historical epochs are studied, as well as their mutual influence on the formation of social values and ideals. In particular, the key films and characters that have become symbols of scientific progress and heroism are considered. The authors also analyze changes in their image depending on the political situation and ideological changes. It is emphasized that cinema not only reflects, but also actively shapes public consciousness, creating images that can both inspire and demoralize society.

Keywords: Soviet science; ideology; national cinematography; image of a scientist; hero; heroic principle; values of society

REFERENCES

- Berdiaev, N. A. (2000) *Tvorchestvo i ob»ektivatsiia*. Minsk, Ekonompress. 301 p. (In Russ.).
- Bulgakov, S. N. (1993) *Geroizm i podvizhnichestvo (iz razmyslenii o religioznoi prirode russkoi intelligentsii)*. In 2 v. Vol. 2. Izbrannye stat'i. Moscow, Nauka Publ. 525 p. (In Russ.).
- V Rossii prekratilos' sokrashchenie chislennosti nauchnykh kadrov (2023) *Kommersant*. 13.11. [online] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6336145> [archived in WebCite] (accessed: 10.09.2024) (In Russ.).
- Gorelova, T. A. and Khloponina, O. O. (2022) Kul'turnyi kontsept «Geroi» kak tsennostnyi rakurs epokhi. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 119–132. DOI: 10.17805/zpu.2022.3.10 (In Russ.).
- Zinov'ev, A. A. (1994) *Kommunizm kak real'nost'*. Moscow, Centerpoligraph Publ., 495 p. (In Russ.).
- Zinov'ev, A. A. (2003) *Ideologiya partii budushchego*. Moscow, Eksmo. 241 p. (In Russ.).
- Knysh, N. A. (2007) Obraz uchenogo v khudozhestvennom kinematografe kontsa 1940-kh — nachala 1950-kh godov. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 18, pp. 133–134. (In Russ.).
- Kolotaev, V. A. (2011) Reproduktivnaia model' identichnosti v sovetskom kino 1960-kh gg. *Artikul't*, no. 3, pp. 38–41. (In Russ.).
- Kostina, A. V. (2023) Traditsionnye tsennosti: chto eto oznachaet dlia Rossii i dlia zapadnogo mira. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 90–107. DOI: 10.17805/zpu.2023.2.7 (In Russ.).
- Lorents, K. (1998) *Oborotnaia storona zerkala*. Moscow, Republic Publ. 393 p. (In Russ.).

Maierov, D. A. (2012) Fil'm «9 dni odnogo goda», ili Razmyshleniia byvshego fizika. *The Orthodox Educator Publ*, no. 2, pp. 18–21.

Makarevich, E. F. (2023) Atomnye proekty i pozitsiia uchenykh. In: *Moiseevskie chteniia. Izbrannoe* / ed. by. A. V. Kostina. Moscow, Publishing House of the Moscow University of the Humanities. 320 p. Pp. 137–146. (In Russ.).

Medvedeva, S. M. (2015) Moral'nyi vybor uchenogo v izobrazhenii sovetskogo kino. *Vestnik MGIMO-universiteta. Shishkinskie chteniia*, pp. 282–284. [online] Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralnyy-vybor-uchyonogo-v-izobrazhenii-sovetskogo-kino/viewer> [archived in WebCite] (accessed: 10.09.2024) (In Russ.).

Panarin, A. S. (2002) *Pravoslavnaia tsivilizatsiia v global' nom mire*. Moscow, Algorithm Publ. 496 p. (In Russ.).

Piko della Mirandola, Dzh. (1981) Rech' o dostoinstve cheloveka. In: *Estetika Renessansa. Antologiya* : in 2 vols. / V. P. Shestakov (sost.). Vol. 1. Moscow, Art Publ. 453 p. (In Russ.).

Popov, M. Iu. and Tenekchiian, A. A. (2005) K istorii razvitiia poniatii «ideologiiia» v zarubezhnoi nauke. *Obsbchestvo i pravo*, no. 4 (10), pp. 78–84. (In Russ.).

Rossiiskaia nauka v tsifrakh: istoriia i sovremennost' (2023) [online] Available at: https://dzen.ru/a/ZcSwu_vHKSxpQ3QO (accessed: 10.09.2024). (In Russ.).

Sardanashvili, G. A. (2014) *Mezhdru rassvetom i zakatom: Sovetskaia fizika 1950–1979 gg.* Moscow, Lenand Publ., 228 p. (In Russ.).

Frumkin, K. G. (2022) *Liubovanie uchenym sosloviem: Otrazhenie sotsial' noi istorii sovetskoj nauki v literature, iskusstve i publichnoi ritorike*. Moscow ; St. Petersburg, Nestor-History Publ. 352 p. (In Russ.).

Shepelev, G. V. (2020) Dinamika chislennosti kadrov nauki pri perekhode ot SSSR k Rossijskoj Federacii. *Upravlenie naukoy: teoriya i praktika*, vol. 2, no. 4, pp. 164–187. (In Russ.).

Shtut, S. (1958) Geroicheskoe v sovetskoj literature. *Voprosy literatury*, no. 11 [online] Available at: <https://voplit.ru/article/geroicheskoe-v-sovetskoj-literature/> (accessed: 10.09.2024). (In Russ.).

Diversity, Equity and Inclusion. [online] Available at: <https://lectera.com/info/ru/articles/diversity-equity-and-inclusion> (accessed: 10.09.2024).

Submission date: 11.09.2024.

Горелова Татьяна Анатольевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-55-11. Эл. адрес: socio@mosgu.ru

Хлопонина Ольга Олеговна — кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-55-11. Эл. адрес: socio@mosgu.ru

Gorelova Tatyana Anatolievna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-55-11. E-mail: socio@mosgu.ru

Khloponina Olga Olegovna, Candidate of Cultural Studies, Senior Lecturer, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-55-11. E-mail: socio@mosgu.ru